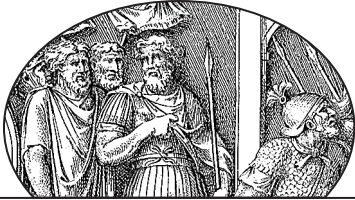

СОДЕРЖАНИЕ

С. А. КОТЛЯРЕВСКИЙ.
МАРК АВРЕЛИЙ

Мы преклоняемся перед святым Игнатием и перед Джордано Бруно, перед Августином и перед Галилеем, перед Франциском Ассизским и перед Спинозой — они все граждане «высшего града» человеческой культуры, — и в этом избранном обществе почетное место обеспечено и Марку Аврелию.

12

МАРК АВРЕЛИЙ. НАЕДИНЕ С СОБОЙ. РАЗМЫШЛЕНИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

73

От богов я унаследовал то, что у меня хорошие деды, хорошие родители, хорошая сестра, хорошие учителя, хорошие домочадцы, родичи, друзья, почти все. И то, что я никого из них ничем не обидел, хотя у меня есть такая склонность, и при случае я мог бы это сделать.

КНИГА ВТОРАЯ

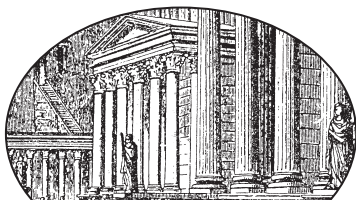
Время человеческой жизни — миг; ее сущность — вечное течение; ощущение — смутно; строение тела — бrenно; душа — неустойчива; судьба — загадочна; слава — недостоверна. Одним словом, все относящееся к телу подобно потоку; относящееся к душе — сновидению и дыму. Жизнь — борьба и странствие по чужбине; посмертная слава — забвение. Но что же может вывести на путь? Ничто, кроме философии...

91

КНИГА ТРЕТЬЯ

102

Люди не знают, сколь многозначны такие слова, как «воровать», «сеять», «покупать», «бездействовать», «усматривать надлежащее»; для этого знания нужны не телесные очи, а некий другой орган зрения.

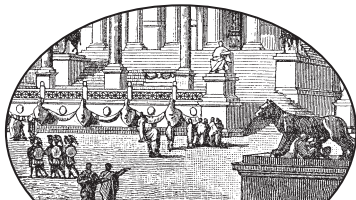
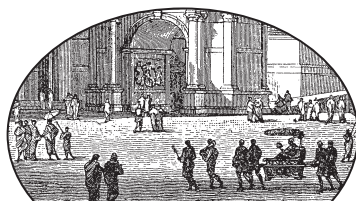
Все мимолетно: и тот, кто помнит, и то, о чем помнят.

112

КНИГА ПЯТАЯ

127

Кто-нибудь поступает плохо по отношению ко мне? Ну что ж, это его дело. У него свое душевное настроение и свой образ действий. Я же таков, каким желает, чтобы я был, общая природа, и поступаю так, как желает, чтобы я поступал, моя собственная природа.

Я исполняю свой долг. Ничто другое не отвлекает моего внимания: это или нечто негодушевленное, или неразумное, или заблудшее, или же не знающее пути.

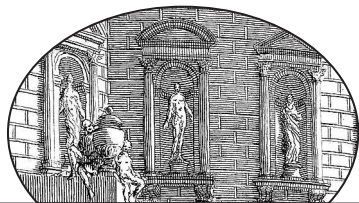
139

КНИГА СЕДЬМАЯ

165

Нужно быть правым, а не исправляемым.

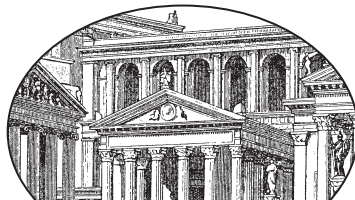

КНИГА ВОСЬМАЯ

*Делаю я что-нибудь? Я делаю это, считаясь с благоденствием людей.
Случается со мной что-нибудь? Я приемлю, считаясь с волею богов
и источником всего, где берет начало все возникающее.*

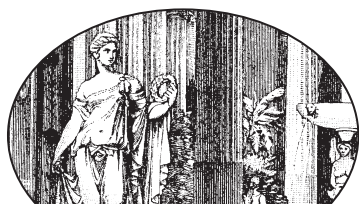
181

КНИГА ДЕВЯТАЯ

200

*Все подвержено изменению. И ты сам находишься в процессе
постоянного перехода в другое и частичного умирания.
Да и весь мир.*

КНИГА ДЕСЯТАЯ

*Если кто-нибудь заблуждается, то вразуми его, сохраняя
благожелательность, и укажи на его ошибку. Если же не можешь
сделать этого, то вини себя или же не вини никого.*

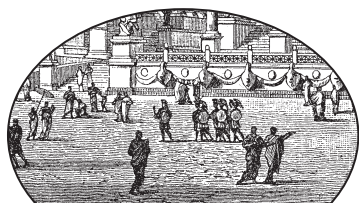
224

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

236

*Я сделал что-нибудь для общего блага? Следовательно, я принес
пользу самому себе. Никогда не расставайся с этой мыслью
и не отказывайся от нее ни в каком положении.*

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

*Еще немного времени, и ты исчезнешь, равно как и все то, что ты
видишь, и все те, кто живет сейчас. Ибо все подлежит изменению,
превращению и исчезновению — дабы вслед за ним возникло другое.*

248

ЭРНЕСТ РЕНАН. МАРК АВРЕЛИЙ И КОНЕЦ АНТИЧНОГО МИРА

ПРЕДИСЛОВИЕ

258

Воцарение Марка Аврелия

Последствием... строгой философии могла бы быть холодность и жестокость. Но именно тут проявляется во всем блеске редкая природная доброта Марка Аврелия. Он строг только к себе. Плодом такого напряжения души является безграничное доброжелательство. Всю жизнь он старался воздавать добром за зло.

265

Улучшения и реформы. Римское право

276

Как государь Марк Аврелий был осуществлением либеральной политики в высшем ее совершенстве. Основу его действий составляло уважение к людям.

Владычество философов

Уже при Антонине были философы привилегированные, получавшие пенсии, пользовавшиеся, до известной степени, положением должностных лиц. Теперь, при Марке Аврелии, император буквально окружен ими. Бывшие его наставники сделались его министрами, государственными людьми.

283

Гонения на христиан

297

Марк Аврелий ни в чем не изменил правил, установленных против христиан. Гонения были последствием основных законов империи по части сообществ. Марк Аврелий не только не усугубил прежних узаконений, но всемерно старался ослабить их действие...

МАРК АВРЕЛИЙ У КВАДОВ.
КНИГА «РАЗМЫШЛЕНИЙ»

Перед этим чудовищным натиском всех варварских сил Марк Аврелий проявил поразительную силу. Он не любил войн и вел их против личного желания; но, когда это оказалось необходимым, он повел военные действия хорошо, стал великим полководцем по обязанности.

305

LEGIO FULMINATA.
АПОЛОГИИ АПОЛЛИНАРИЯ,
МИЛЬТИАДА, МЕЛИТОНА

328

Философ заглушил в Марке Аврелии все, кроме римлянина. Против еврейского и сирийского благочестия он питал инстинктивное предубеждение. Были, однако же, христиане очень недалеко от него.

ЛИОНСКИЕ МУЧЕНИКИ

Шел семнадцатый год царствования Марка Аврелия. Император не изменялся, но общественное мнение раздражалось. Свирепствовавшие бедствия, опасности, угрожавшие империи, объявлялись как последствие безбожия христиан. Отовсюду народ умолял власть поддержать национальный культ и наказать поносителей богов. К несчастью, власть услышала.

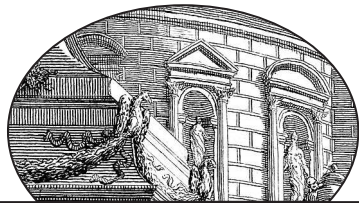
339

ВНУТРЕННЕЕ МУЧЕНИЧЕСТВО
МАРКА АВРЕЛИЯ.
ЕГО ПРИГОТОВЛЕНИЕ К СМЕРТИ

359

Неся жизнь без радости, как и без возмущения, покорившийся участи, назначенной ему природой, он исполнял изо дня в день свои обязанности, постоянно имея перед глазами мысль о смерти. Мудрость его была абсолютна, или, другими словами, тоска его не имела пределов.

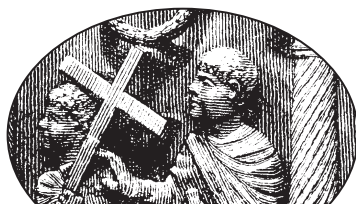

СМЕРТЬ МАРКА АВРЕЛИЯ.
КОНЕЦ АНТИЧНОГО МИРА

На шестой день болезни император призвал своих друзей и говорил с ними обычным своим тоном, то есть с легкой иронией, об абсолютной тщете всего, о презренности, с которым должно относиться к смерти. Они горько плакали. «Зачем меня оплакивать? — сказал он им. — Позаботьтесь о спасении армии. Я иду первый; пойдете и вы за мной. Прощайте!»

385

ХРИСТИАНСТВО В КОНЦЕ II ВЕКА. ДОГМА

394

Если мы теперь сравним христианство, каким оно было около 180 года, с христианством IV и V веков, с христианством средневековым, с христианством наших дней, то увидим, что в течение последних столетий к нему прибавилось очень немного...

Церковь отступится от многих ошибочно вчиненных вещей, выберется из многих тупиков. У нее еще два сердца, так сказать, и несколько голов; эти аномалии отпадут; но ни один действительно оригинальный догмат уже не возникнет.

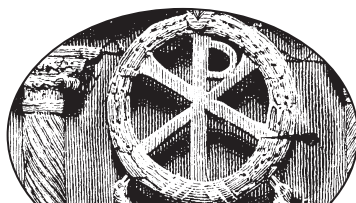

ПРИЧИНЫ ПОБЕДЫ ХРИСТИАНСТВА

Глубоко были потрясены христианством государственные правила Рима, основы римской политики. Эти правила энергично отстаивали себя в продолжение ста пятидесяти лет и замедлили торжество культа, намеченного для победы. Но это торжество было неизбежно.

401

СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ, ВЫЗВАННЫЙ ХРИСТИАНСТВОМ

419

В светских делах христианин стеснен, неспособен; Евангелие подготавливает верующих, но не граждан.

*То же относится к исламу и буддизму...
Вот что совершенно ясно понимал Марк Аврелий
и что его сделало столь мало расположенным
к христианству.*

С. А. Котляревский

МАРК АВРЕЛИЙ

Атмосфера глубокого и подлинного трагизма окружает образ Марка Аврелия. Юлий Цезарь погиб, когда то жизненное его дело, которому уготовано было торжество в истории римской цивилизации, уже совершилось, и эта смерть не могла остановить ни внутреннего преобразования республиканского строя, ни романизации европейского Запада; можно сказать, личная катастрофа лишь засвидетельствовала прочность закладываемого здания.

Юлиан провел жизнь в безнадежной борьбе, защищая обреченный на гибель культурно-общественный уклад; его царствование осталось каким-то мимолетным недоразумением, которое не ослабило и не задержало союза христианства с империей: здесь было лишь бессилие угадать дух времени, слабость воображения, поработенного прошлым, — все то, что не отличает Юлиана среди ряда других утопистов реакции, если не обращать внимания на его личное благородство и бескорыстие.

Совершенно иначе сложилась историческая судьба Марка Аврелия. В целях его государственной деятельности, как и в самой его натуре, не было ничего утопического. Он шел по тому широкому пути правового и морального оздоровления империи, на котором он имел предшественников, подобных Траяну, Адриану и Антонину; им завершился тот поистине золотой век Римской империи, когда ее представители совмещали со старыми, унаследованными от республики устоями новую универсальную культуру, символически выражающуюся в словах: *paх romana**.

Это была монархия, как нельзя более далекая — несмотря на внешние формы — от азиатской деспотии и едва ли не приближающаяся к типу пожизненной

* Римский мир (лат.).

стратегии, описанной в «Политике» Аристотеля. Если верить афоризму, что у всякого народа есть правительство, которого он заслуживает, то населению империи II века нельзя отказать в весьма высокой исторической оценке.

Но как все это было не прочно! Марк Аврелий заканчивал, а не открывал блестящую главу из истории римской монархии. Он получил власть из рук Антонина Пия, которому он посвятил столь прочувствованную характеристику в своих «Размышлениях», — и он должен был передать эту власть сыну Коммоду, духовный кругозор коего ограничивался цирком и удовольствиями в уровень со вкусом конюхов и кулачных борцов. Господство философии, за которое Марк Аврелий получил, впрочем, от позднейших историков более порицаний, чем похвал, уступает место господству разнузданного насилия.

Империя входит в полосу того хозяйственного и культурного кризиса, который отбросил ее к более элементарным формам быта и подготовил Средние века. Защита империи от напора с севера и востока, которую так обдуманно вел Марк Аврелий, следуя и здесь своим предшественникам, становится задачей все менее посильной для Римского государства.

Реформы Диоклетиана и Константина восстанавливали столь расшатанный государственный порядок, но какое расстояние отделяет этот бюрократический деспотизм от представлений о властителе как слугителе общего блага — представлений, которые мы найдем у Марка Аврелия. Его дело было разрушено, и не без основания в глазах Ренана день смерти Марка Аврелия является «решительным моментом, когда определена была гибель старой цивилизации», которая, казалось, еще носила в себе столько жизненных сил. Было что-то символическое в самой семейной судьбе императора.

Но Марк Аврелий-император был все же лишь случайностью, которая выпала на долю Марка Аврелия-мыслителя. Истинное содержание его духовной жизни, которое открывается в «Размышлениях», сосредоточивалось всегда вокруг сущности и судьбы человеческой души, ее отношений к космосу, к божественному провидению.

И можно сказать, в этих «Размышлениях» преодолевается указанный выше исторический трагизм. Что значит жизнь империи, противопоставленная жизни космоса, что значат исторические заблуждения, ошибки, даже преступления, если над всем господствует необходимость и эта необходимость есть в то же время провидение? Эти мысли не приводили ни к равнодушию, ни к бегству от обязанностей, но создавали перспективу, которая соединяла благородного римского императора со всеми последующими веками.

Дело государственного строительства и государственной защиты было разрушено, но остался строй мысли, обращенный к душе, миру и богу, остался и окрыляющий эти мысли пафос: им не грозит уничтожение, ибо человечество никогда не разучится их понимать. На них лежит печать вечности, как она лежит на еврейских пророках, несмотря на политическую катастрофу, постигшую еврейский народ, на греческих трагиках, несмотря на гибель эллинского полиса.

Марк Анний Вер, ставший впоследствии, после того как Антонин усыновил его, Марком Аврелием Антонином, родился в 121 году. Его отец умер в весьма юном возрасте, и главная забота о воспитании Марка пала на его деда Анния Вера, который был дважды консулом и, по-видимому, пользовался расположе-

нием императора Адриана, состоявшего с ним в отдаленном родстве. Автор «Размышлений» был всегда проникнут чувством благодарности к людям, которым он считал себя обязанным, и нас не может удивлять, что первые строки этих «Размышлений» посвящены его деду, отцу и матери: «Деду Веру я обязан уравновешенностью и незлобивостью; славе родителя и оставленной им по себе памяти — скромностью и мужественностью; матери — благочестием, щедростью и воздержанием не только от дурных дел, но и от дурных помыслов и сверх того простым образом жизни, далеким от всякой любви к роскоши».

В этой семейной среде получил Марк Аврелий и первые представления об обязанностях правителя, о праве и свободе граждан; он вспоминает о брате Севере, который познакомил его с жизнью Тразея, Гельвидия, Катона, Диона и Брута и дал ему идеал государства, с равным для всех законом, и идеал царя, заботливо хранящего свободу подвластных. Республиканские традиции были живы в этой семье, несмотря на ее близость к престолу Цезарей.

Но в еще большей степени Марк Аврелий чувствовал подобную благодарность к своим учителям. Важнее всего — личное влияние и общение с учителем: оно гораздо более достижимо при семейном воспитании, чем в школе, и Марк Аврелий считал себя счастливым, что в детстве и юности он не посещал школ, а пользовался уроками учителей дома (1, IV)*.

Он получил обычное грамматическое и риторическое образование, которое дало ему и хорошее знакомство с греческой литературой, сказывающееся и в «Размышлениях», — с Гомером, быть может, Гесиодом (11, XXXII), Софоклом (11, VI), Еврипидом, Аристофаном (7, XXXVIII и др.). Без сомнения, эти уроки оказали влияние и на его стиль, отмеченный глубоким чувством меры: как мало расточителен он на метафоры и образы и какой содержательной, выразительной оболочкой мысли служит этот стиль. «Расстаться с жизнью так же легко, как легко падает созревшая олива, благословляя природу, которая ее породила, и благодаря дереву, которое ее произвело» (4, XLVIII). «Люди убивают, рвут на части, преследуют проклятиями. Но чем это может помешать мысли остаться чистой, рассудительной, благоразумной, справедливой? Так, если кто-нибудь, подойдя к прозрачному и свежему роднику, станет изрыгать на него хулу, родник все же не перестанет бить ключом питьевой воды. И пусть подошедший даже бросит в него грязью или навозом, родник очень скоро все это рассеет, смоем и не замутился. Когда же ты будешь обладать этим вечно текущим источником?» (8, LI).

Насколько увлекался сам Марк Аврелий в своей юности уроками риторики, можно видеть из его писем к Фронтому, который, впрочем, имел огорчение видеть, как у его питомца это увлечение уступило место более глубокой страсти — к философии. Впоследствии он считал возможным даже благодарить богов, что не сделал больших успехов в риторике и поэтике, которые могли бы захватить его внимание и силы и отвлечь от философии.

Читая прославления философии у Марка Аврелия, мы всегда должны помнить, какое место она занимала в культурном обиходе Римской империи. Она должна была как бы заменить ту «древнюю доблесть», которая считалась до-

* Здесь и далее в скобках арабскими цифрами обозначены книги «Размышлений», а римскими — главы.

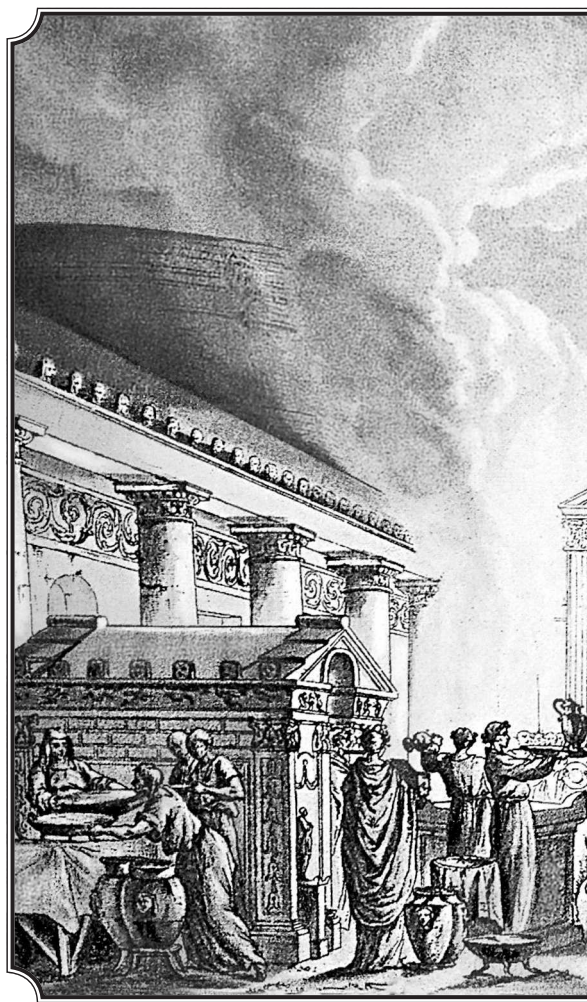
Бюст императора Марка Аврелия Антонина.
Экспонат Археологического музея в Тулузе (Франция)

Храм Исида в Помпеях.

Гравюра XIX в.

Культ богини Исида — один из древнейших в истории человечества. Согласно египетской мифологии, Исида — богиня плодородия, воды и ветра, она символизировала женственность и супружескую верность. Исида была первой дочерью Геба, бога земли, и Нут, богини неба, сестрой и супругой Осириса. Исида помогала своему божественному супругу цивилизовать Египет, учредила институт брака и обучила египетских женщин жать, прядь и ткать, лечить болезни.

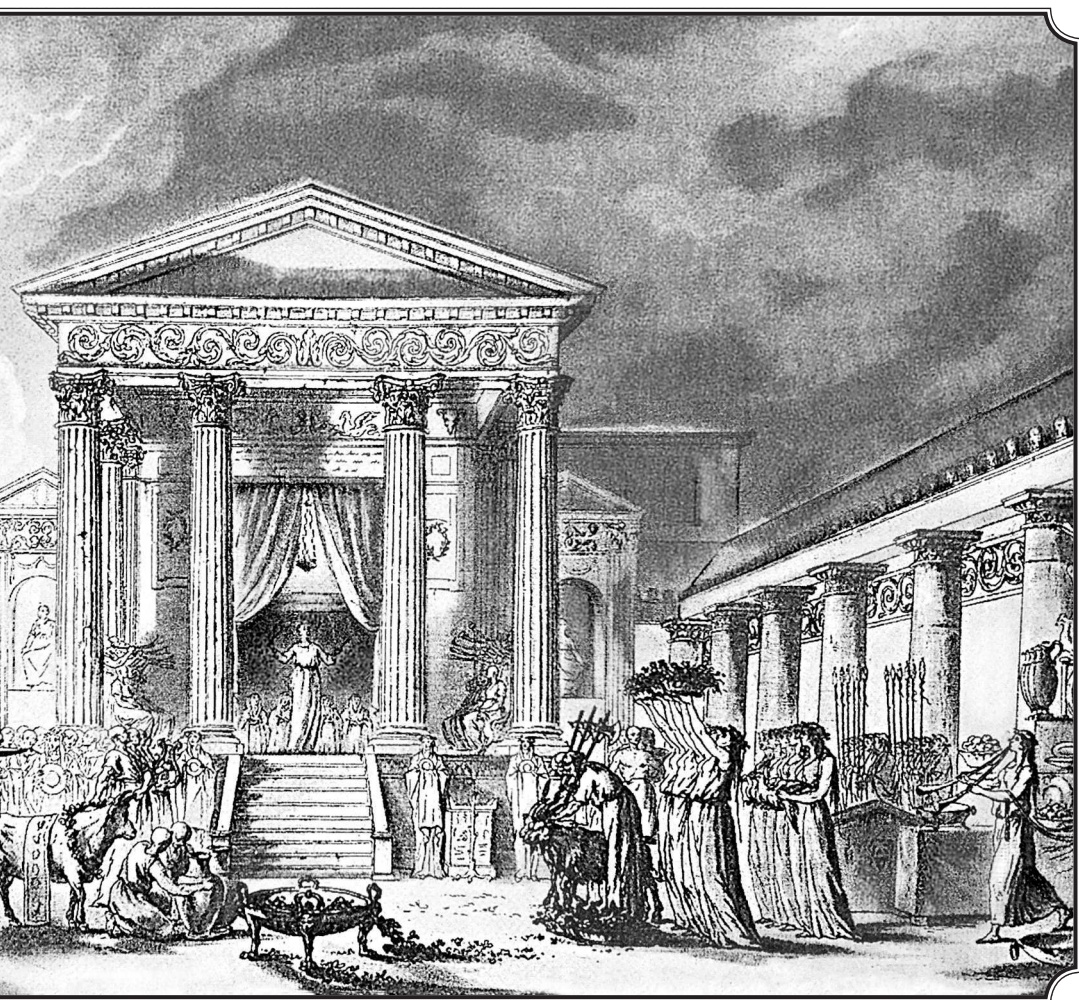
Исида являлась одной из самых почитаемых богинь в греко-римском мире, связанные с ее культом мистерии приобрели широкое распространение. Храмы в честь богини были воздвигнуты в Афинах, Риме и многих других античных городах; в частности, изображенный на данной иллюстрации храм в Помпеях неплохо сохранился до наших дней после знаменитого извержения Везувия в 79 г. Почитание Исиды, по мнению многих историков, представляло едва ли не главную конкуренцию раннему христианству.

стоянием исконного нравственного уклада, но которая, по общему признанию, могла сохраниться лишь при безвозвратно утраченной простоте и элементарности жизни. Философии предназначалось руководство нравственной жизнью отдельного человека и целого общества; с другой стороны, она выполняла как бы функции религии, сама отделяясь от последней все менее и менее явственной чертой.

Поскольку религия продолжала охранять и освящать данный государственный порядок, она сосредоточивалась в культе императоров — здесь рядом с личным облагодетельствием, имевшим столько образцов в греческом мире, сохранился апофеоз государства. За пределом этого политического исповедания оставалась область возрастающего религиозного синкретизма: греко-римский пантеон постоянно заслонялся восточными образами, и культ населения империи, начиная с Рима, как нельзя более отражал ее этнографическую и культурную пестроту.

Вместо национальных религий, имевших строгую обособленность, образуется космополитическая религиозная среда, среди которой так легко создается представление, что разнообразные имена и образы богов, своеобразные их культы суть лишь внешняя оболочка, скрывающая единую истину. «Фригий-

цы, — говорит в «Золотом осле» Апулея своему поклоннику Исида, — древнейшие из всех народов, называют меня матерью богов и Пессинунтскою богиней; афиняне — кекропской Минервой; жители острова Кипра — пафосской Венерой; критяне, искусные в метании стрел, — Дианой-охотницей; сицилийцы, говорящие тремя языками, именуют меня стикской Прозерпиной; элевсинские жители — древней богиней Церерой; иные называют меня Юноной, другие Беллоной, иные Гекатой, другие Немезидой; но эфиопы, озаряемые всегда первыми лучами восходящего солнца, и египтяне, самые древние и самые мудрые из людей, почитают меня точным и собственным моим именем, то есть богиней Исидой, и только они истинно и праведно служат мне перед алтарями».

Там, где религиозный образ не берется в его непосредственном виде, там открывается путь для символического истолкования, как это мы видим в истории всех религий, и в таком истолковании всегда есть и элемент философский. Уже ранний стоицизм Зенона, Клеанфа и Хрисиппа широко применял метод аллегорического объяснения мифов, причем Кронос и Рея оказывались временем и материей, Гефест — огнем, Аполлон и Артемида — солнцем и луной, и т. п. Но чем больше в стоической философии моральные интересы получали

преобладание, тем менее уже можно было довольствоваться чисто натуралистическими истолкованиями.

У Сенеки, Музония и особенно у Эпиктета мы уже видим прежде всего стремление раскрыть внутренний нравственный смысл религии: и самая стоическая доктрина принимает известный религиозный характер. Гастон Буасье в своей монографии о римской религии изображает резкий контраст между римским обществом конца Республики, полным равнодушия и скептицизма, для которых лучшим историческим свидетельством являются письма Цицерона, и обществом времен Антонинов с его глубоким тяготением к религии, культу, положительной вере. Стоическая философия преобразовывается в соответствии с этими потребностями. Позже и она оказывается слишком интеллектуальной, слишком много предоставляющей логическому разуму; ее место займет неоплатонизм с его возвеличением мистического экстаза; но во дни юности Марка Аврелия в образованных кругах голос стоической философии, как религиозно-моральной законодательницы, звучал еще громко и авторитетно, и ее не могли дискредитировать едкие насмешки в лукиановском стиле.

Употребляя выражение, столь обычное в католической церкви, можно сказать, что стоицизм притязал на «попечение о душах» (*cura animarum*), и эти притязания признавались законными. Философ обращался в проповедника; проповедник не довольствовался ролью популярного ратора и стремился быть реформатором нравственности. Стоя у изголовья умирающего, провожая осужденного на казнь, он умел разгонять страх смерти, давать душе мир и утешение; он же умел проникать в дома высшей аристократии, во дворцы цезаря, брал в свои руки воспитание детей его, как это впоследствии с таким несравненным искусством научились делать иезуиты.

Можно было бы говорить о своеобразном идеале стоической теократии как духовного правления обществом — что иное стояло в центре забот Григория VII и Иннокентия III? — если бы не чувствовалась искусственность и парадоксальность в употреблении слова «теократия» там, где нет церкви и нет определенного исповедания. Насколько широко могло в эту эпоху осуществляться влияние стоицизма, лучше всего показывают дошедшие до нас сведения о таких его народных учителях и проповедниках, как Демонакс и Дион Хризостом.

Эта религиозно-нравственная сторона стоицизма произвела наиболее сильное впечатление на Марка Аврелия. Он узнал ее в особенности от Юния Рустика, которому он выражал признательность в своих «Размышлениях» (1, VII) за то, что не увлекся теоретическими спекуляциями, и за знакомство с Эпиктетом. В этом смысле Марк Аврелий является весьма ярким представителем позднейшего стоицизма, для которого физика и логика совсем заслоняются этикой. Он готов благодарить богов за то, что не погрузился ни в силлогизмы, ни в исследования небесных явлений. Правда, он в то же время советует постоянно применять учения не только этики, но и физики и логики (8, XIII), но едва ли сам следовал данному совету.

Не видим мы у Марка Аврелия интереса к положительной науке: он не знает того, что мог бы знать современник Птолемея и Галена. Но здесь уже сказались одна из самых роковых черт в истории этих последних веков античной цивилизации — полный разрыв религиозно-моральных интересов и научной любознательности, полное забвение в этом смысле аристотелевской традиции. Так подготавливалось то несколько преувеличенное в традиционном изобра-